

В апреле 2020 года на странице «Нового Енисейского литератора» в социальной сети «ВКонтакте» мы объявили конкурс для наших авторов. Суть его была в том, чтобы рассказать короткую историю, изюминкой которой было бы вставленное в рассказ четверостишие. И вот что получилось у наших авторов.

Анатолий ЛЕВЕНЕЦ

Лесосибирск

ВОЛЯ БОЖИЯ

Трофим брёл по вечернему городу. На душе было горько и одиноко оттого, что первое свидание не состоялось. Девушка, которую он ждал больше трёх часов, не пришла... Первым желанием было пойти спросить, что случилось, но потом он вспомнил, как бабушка ему всегда говорила: «Без воли Божьей и волос с головы не упадёт. На всё Его воля». И ещё метнулась в голове мысль: «Если судьба — значит, встретимся снова».

Он не знал, куда деть букет, и подарил его проходившей мимо женщине. Женщина спросила:

— Это мне?!

— Да,— ответил Трофим.

— Почему мне?

— Просто так, чтобы вы улыбнулись.

Она улыбнулась удивлённо-счастливой улыбкой. Трофим сказал:

— Вот видите, вы улыбнулись — и мир стал светлее.

Настроение у него немного улучшилось. Потом он увидел на стене надпись: «Таня». Буквы располагались сверху вниз. Недалеко валялись оставленные детьми мелки: как расчерчивали «классики», так и бросили. Трофим оглянулся по сторонам — рядом никого не было. Он поднял мелок и дописал к буквам первое, что пришло в голову:

Твой образ прекрасный
«ау» прокричал издалёка,
но ответ свой неясный
я в себе подавил так жестоко...

Через несколько дней Трофим оказался на той же улице и, проходя мимо оставленной им надписи, увидел небольшую приписку фломастером: «Автор, позвони мне», — и телефон.

Недолго думая, Трофим набрал номер. Ему ответил приятный голос. Он сказал:

— Здравствуйте. Это я написал стихи на стене.

— Подождите, сейчас приду, — сказала девушка.

Через несколько минут она подошла к нему. Он подумал, что где-то уже видел эту улыбку.

Так он познакомился с Таней.

Через некоторое время она пригласила его познакомиться с мамой. Они вошли в комнату, и он опять подумал: «На всё воля Божья». Пред ним стояла та женщина, которой он подарил букет...

2020

Наталья САФРОНОВА

Красноярск

КОЛЛЕГИ

В самом начале трудового стажа работала я в одном проектно-институте нашего города. Коллектив большой, в основном женщины. Каждая со своей историей, которую не всегда утаишь из-за неумения молчать, а также из-за чужого любопытства. У нас в коллективе самой известной разносчицей чужих тайн была Люба.

Но сначала о себе. В институт я пришла молоденькой, за работу взялась охотно, но вскоре вышла замуж... Вернулась из декретного отпуска, немного «одичав» без общества, но, получив напутствие начальника и карандаш с линейкой у секретарши, приступила к делу.

Так эта Люба набросилась на меня, как комар на свежую кровь. Облокотившись о край моей чертёжной доски, она начала вещать мне о личной жизни сотрудников. За несколько дней я услышала о коллегах столько, сколько они, наверное, сами не знали о себе. В процессе сеанса Люба исподтишка выманивала подробности и моей жизни. Я, не отрываясь от работы, отвечала поверхностно. Любу это не смущало. Её глаза таинственно блестели, а маленький рот с недостающим верхним зубом, кривясь лёгкой усмешкой, издавал вкрадчивый

полушёпот с нотками ехидства. Как я ни пыталась высказать своё мнение о той или иной личности, Любино «клеймо» было неоспоримым. По неопытности лет я не смогла дать отпор назойливой женщине и терпела это явное коварство.

У меня было увлечение — сочинение стихов, и это обнаружилось однажды при проведении очередного торжества. Были у нас и другие поэты, но моя готовность помочь также применялась в общественных целях.

Однажды осенью, накануне дня рождения Любы, ко мне подошли активистки с просьбой написать стих для именинницы. И вдруг я — впервые за свою недолгую поэтическую деятельность — стала сопротивляться, ссылаясь на отсутствие вдохновения. Меня не поняли и удалились в надежде вскоре получить послание. Говорят, что именинникам делают поправки, приукрашивая их образ и достоинства, чтобы сделать приятное. Я задумалась, но моё представление о Любе никак не хотело украшаться ни нежностью, ни добротой, ни любовью. Образ сплетницы стоял перед моими глазами ярче всего. И в этом смятении выдала я такие строчки:

«Отцвели уж давно хризантемы в саду...»
И Любаша сама как-то вся подзавяла.
Не хватает зубов, шевелюра волос
Вместе с листьями тоже опала.

К моему удивлению, активистки не обиделись на меня, посмеялись даже и пошли искать другого поэта. И нашли. Любу вовремя поздравили и подарили букет хризантем. А через год снова явились просители — написать стих для Любы-именинницы...

Елена МИНИНА

Красноярск

ПРИГОВОР

Василий пришёл один. Он опоздал, и когда Оля открыла ему дверь, сказал виновато:

— Заждались, наверное?..

— Нет,— ответила Оля,— мы вас вовсе не ждали. А где Толик?

Вася в ответ пробормотал что-то невразумительное о большой занятости Анатолия. Вошла Катя с красивым блюдом

в руках, от которого исходил запах свежей выпечки. Увидев Васю, Катя честно призналась:

— А мы вас ждали, ждали... Я даже пирог испекла! А где Толик?

Катя — девушка среднего роста, стройная, с большими карими глазами, скромная, рассудительная и домовитая. Оля — маленькая, синеглазая, с причёской, называемой «художественный беспорядок». Она любила поговорить об искусстве и училась в вечерней художественной школе. Обе девушки после окончания института работали инженерами и жили в общежитии. С двумя друзьями-биологами они познакомились на станции переливания крови. Анатолий был среднего роста стройный молодой человек, говорил мало, больше слушал. Василий — маленький, с тёмными глазами и кудрявыми ресницами. Он любил поговорить обо всём. После процедуры все четверо пошли в кафе «Пилот», где ели полагающийся донорам обед, беседовали и в конце концов договорились о будущей встрече.

Погасив разочарование из-за отсутствия одного звена в системе, девушки стали развлекать гостя. Оля показывала Василию альбомы с репродукциями великих художников и свои наброски, Катя угощала пирогом, втайне надеясь на то, что про её замечательные кулинарные способности будет рассказано Анатолию.

Когда прощались, Вася несколько раз перевёл глаза с Оли на Катю и с Кати на Олю, вздохнул и произнёс:

— Лучше бы ты, Оля, пироги пекла, чем в художественную школу ходить.

Оля нахмурилась. И вдруг, весело подмигнув подруге, выдала:

День сегодня был прекрасен —
Твой пирог отведал Вася!
Видно, Вася неспроста
Сбросил Толика с «хвоста»!

Людмила СОСНИНА

Усть-Абакан

ПЕРВЫЙ ГОНОРАР

В огородном сарайчике у меня всегда лежат блокнотик и ручка: мало ли когда придёт в голову интересное слово — не

домой же бежать записывать? В тот осенний промозглый день я себя неважно чувствовала, но время и погода поджимали, и я часа два наводила порядок в огороде. Ночью обещали дождь со снегом, и я пошла в сарай за топором, чтобы срубить капусту. Но... вместо топора мой взгляд упал на блокнот, зашевелились внутри слова... В сарае было темно, и я, решив, что запишу пару строк очень быстро, вышла к маленькому столику — доске, положенной на толстую чурку, — присела на чурку поменьше, вздохнула и записала:

Всё померкло, пожухло кругом.
На диване сейчас благодать!..
Но — дела: в огороде нагом
Мне капусту ещё убирать...

На соседнем участке работали мужчины: сосед с сыном сливали воду с труб и убирали их под навес. Я обернулась к ним — не видели ли, что я пишу, а то начнут спрашивать, а я очень стеснялась таких расспросов. Но тут сильная боль в пояснице скрутила меня так, что я едва не закричала. Кое-как отдышавшись, держась за столик и за росший рядом абрикос, я поднялась, согнувшись, добрела до сарая, закрыла его и пошла домой. Мне уже было не до капусты. Сосед, увидев мою странную походку, крикнул что-то, но меня как раз отпустила боль, и, боясь, что она вернётся при любом лишнем движении, я, не оборачиваясь, махнула рукой: некогда, мол, — и тихонько пошла дальше. И не заметила, что мой блокнотик остался лежать на столе.

Дома я кое-как разделась, растёрла поясницу настойкой сирени и легла на диван. Боль приутихла, и я задремала. Вдруг кто-то очень настойчиво зазвонил в дверь и звонил не переставая, пока я не подошла и не открыла. За дверью стояли три завязанных мешка, а возле мешков — мой огородный сосед и его сын.

— Принимай свой урожай! Куда поставить?

Я смотрела на них, ничего не понимая.

— Что смотришь? Сама-то как? Гляжу, пошла, согнулась. Да ещё письмо жалобное оставила.

— Ка-какое письмо?

— Вот это, — и сосед подал мне блокнот.

Не знаю, какое было у меня лицо, но соседи — и старый, и молодой — громко расхохотались. Отсмеявшись, старший

рассказал, как начавшимся ветром мой маленький блокнот занесло на их участок. Прочитав «письмо» и вспомнив мою согнутую спину, соседи срубили капусту и привезли её мне.

— Едва нашли квартиру твою. На улице непогодь началась, никого нет, спросить не у кого. Так куда капусту поставить? Мешки потом отдашь, не к спеху.

— Вот здесь у стены и поставьте. Спасибо!

— Не за что, не чужие! Может, тебе врача?

— Нет, отлежусь.

— Ну, бывай.

— До свиданья. Спасибо!

Закрывая дверь, я положила блокнот на полку и рассмеялась.

Это был первый «гонорар» за моё творчество.

Любовь ПЛОТНИКОВА

Красноярск

СЧИТАЛОЧКА

На скамейке в сквере сидели молча две унылые старушки, отрешённые от всего происходящего перед ними. А там, на дорожке, прыгали через скакалку две девчущки. Одна — рыженькая, с веснушками и упрямо торчащими косичками, а другая — кудрявая блондиночка с носом-пуговкой. Скакалка у них была одна, и они прыгали по очереди. Одна скачет, а другая громко считает её прыжки, пока подружка не «пропадёт» (запутается в скакалке). Затем прыгает другая.

И вдруг одна из бабушек подходит и берёт у девочки скакалку, та уступает с неммым вопросом в глазах. Бабушка сначала просто перешагивала через скакалку, а потом стала подпрыгивать, причём получалось у неё это неплохо. Она допрыгала до десяти счётов и запуталась, устала. Лицо покраснелось, волосы выбились из-под косынки, а глаза сияли.

Год за годом скачут дети
Повсеместно на планете.
Бабки в детские их годы
Тоже, видно, были шкоды.

Это голос подала вторая старушка.

ВЕТЕР

В детстве у меня было одно странное увлечение — я любила перебегать дорогу перед самым носом машины. Не знаю, зачем я это делала: то ли не хватало азарта, то ли испытывала судьбу, то ли верила в моё бессмертие, — но факт остаётся фактом. Во время такого бега, в опасность которого я не верила, чувствовала ни с чем не сравнимая свобода. Я была словно ветер, и это окрыляло меня. Когда водители останавливались и ругали меня, я с непониманием смотрела на них и размышляла: «За что они злятся? За то, что я счастлива? За то, что я — ветер?» Детская наивность! Но однажды мне пришлось резко бросить моё увлечение.

Случилось это летом: родители стали свидетелями моей странной забавы и дома познакомили меня с ремнём ближе обычного. Увлечение мне пришлось бросить, но дух свободы остался жить во мне.

С того времени прошло много лет. Я изменилась, стала взрослым человеком и сейчас стою на пешеходном переходе. Красный свет только загорелся, ждать его окончания больше минуты. Люди начинают толпиться, кто-то смотрит на продолжительный светофор, ворчит, нервничает. Я — молчу. И тут на повороте замаячила нужная мне маршрутка. Долго не мешкая, я огляделась по сторонам, оценивая окрестность, и, понимая, что если поторопиться, можно успеть, — побежала на красный. Люди стоят и вопросительно смотрят на меня, а я бегу и снова чувствую себя ветром. Я забегаю в маршрутку и вместо денег достаю телефон и записываю:

Я смело бегу на красный —
Легка, молода, проворна.
Бежать вперёд — не опасно,
Опасно — стоять покорно!

И пусть кто-то назовёт меня ненормальной, но иногда мне хочется, как и в детстве, побыть ветром.